

*Пегов Владимир Анатольевич
Чернецов Максим Михайлович*

ИГРОВОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК МЫШЛЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова: футбол, игровое мышление, мышление в пространстве, мышление посредством тела, чувство, воспитание мыслящих футболистов.

В статье предложен новый подход к рассмотрению двух феноменов – мышления и футбола. При этом происходящее на футбольном поле исследуется под необычным ракурсом – как мышление, которое осуществляется в пространстве посредством движущихся и создающих игру тел. С исследовательской точки зрения для авторов интересна специфика участия в этом процессе самих игроков, тренеров, судей, зрителей, а также педагогические аспекты управления воспитанием «игрового мышления как мышления в пространстве» у начинающих и опытных футболистов.

Keywords: football, game thinking, thinking in space, thinking through the body, feeling, education of players who think.

This paper proposes a new approach to the two phenomena - thinking and football. When this happens on the football field is investigated an unusual angle – as thinking that takes place in space by moving bodies and create a game. From a research perspective for authors interested in the specifics of participation in the process of the players, coaches, referees, spectators, and pedagogical aspects of education "game thinking as thinking in space" for novice and experienced players.

Введение

В своей работе мы попытались рассмотреть в пересечении два феномена, зачастую воспринимающиеся достаточно удалёнными друг от друга (если вообще не как полярные по известной русской пословице «Сила есть – ума не надо»). Первый феномен – мышление, которое в своём усечённом варианте – интеллекте, стало господствующей силой современной цивилизации. Своего рода помешательство на измерении и дефилировании собственным IQ, начавшееся в США, на общей волне глобализации выплеснулось на весь мир.

Второй феномен – футбол, «игра миллионов». Примечательна в связи с этим современная ситуация, когда финал Чемпионата мира по футболу в большинстве имеющих стран смотрит по телевизору или в интернете один миллиард человек – и это люди с различными религиозными и национальными традициями, иначе говоря, с различным менталитетом. Данный социальный феномен не может быть проигнорирован и он, безусловно, даёт побуждение для научного исследования.

Нам представляется неслучайным тот факт, что футбол является самой популярной игрой на планете. Серьёзные исследования данного феномена высвечивают в нём самые разные аспекты: его глобальность [2], зрелищность и футбольное фанатство [13], принадлежность к бизнесу [23] и др. Но мы не встречали исследований, где бы футбол рассматривался как мыслительный процесс – другими словами, как мышление, которое осуществляется в пространстве посредством движущихся тел.

Хотя это и не является прямой задачей нашей работы, но невозможно игно-

рировать спортивный контекст футбола. Общеизвестно, что оценки спорта находятся в диапазоне от признания его как безусловно позитивной социальной практики, которая способна решать самые различные социальные проблемы (напомним популярные слоганы: «Спорт против наркотиков», «Папа, мама, я – спортивная семья», «Один мир. Одна мечта», «Со спортом дружить – здоровыми быть!» и др.), до раскрытия его разрушительных воздействий на человечность как таковую.

Например, в своей статье «Болтовня о спорте» Умберто Эко писал:

«...спорт представляет собой максимальное искажение фатической речи и таким образом, в конце концов, отрицание всякой речи, а следовательно, начало дегуманизации человека... (выделено нами. – П. В., Ч. М.)» [21, с. 189]. Или ещё более жёсткое высказывание, которое прозвучало из уст австрийского философа Рудольфа Штайнера в начале XX в.: «То, что гимнастика постепенно пере стала быть осмысленной и попросту следует за телом, – одно из следст вий материалистической эпохи. А то, что из неё хотят сделать спорт, в кото ром движения уже не просто лишены смысла и значения, но в них вкладыва ется антисмысл, грозит человеку не просто материализмом в мышлении, но низвержением его на уровень животности ощущений. Чрез мерное увлечение спортом – это дарвинизм на практике. Теоретиче ский дарвинизм доказы вает, что человек произошёл от животного. Практический дарвинизм – это спорт, который возвращает человека на ступень животного (выделено нами. – П. В., Ч. М.)» [18, с.177–178].

Тем не менее, оставляя за скобками вполне оправданную дискуссию о социальных последствиях футбола как спорта, мы рассмотрим его мыслительную составляющую, которая как раз имеем самое прямое отношение к сути нашей человечности.

Методологические основания

«Вместо того чтобы становиться между природой и субъектом, наука пытается стать на место природы и постепенно делается столь же непо нятной, как последняя»

И.В. Гёте

Корректность любого научного исследования определяется, в том числе, строгостью методологических оснований. К сожалению, размытость и эклектичность являются сейчас тем, что присуще многим исследованиям, особенно, гуманитарной направленности. Так, помимо многих прочих в научных представлениях о человеке можно выделить два противоречивых подхода, которые имеют прямое отношение к практике футбола (и спорта, в целом), а в более широком смысле – ко всей социальной жизни, включая, естественно, воспитание и образование.

С одной стороны, нынешнего человека обозначают как *«homo sapiens sapiens»*, то есть человек не просто *«разумный»*, а *«дважды разумный»*. С другой стороны, существует утверждение, что *«деятельность»* является определяющей в воспитании и образовании человека, в том числе, и в тренировочном процессе в спорте. И если на Западе *бихевиоризм («поведенчество»)* откровенно приземлённо и заземлённо описывает жизнь человека через его *«поведенческие реакции»*, пытаясь через стимулы ими управлять и вызывать нужные кому–то реакции, то в практике советско–российской философии и психологии, вдохновляющих педагогику, используется более возвышенное понятие *«деятельность»*. Чтобы подчеркнуть всю сложность изучения и осуществления человеческой деятельности, авторы свою методологию обозначи-

ли как *«системно-деятельностный подход»* [3, 20].

Известными порождениями системно-деятельностного подхода являются нынешние образовательные стандарты (от детских до вузовских), а также созвучные им *«теория учебной деятельности»* и *«теория развивающего обучения»* В.В. Давыдова и Д.Б. Эльконина [7], призванные эти стандарты осуществлять.

Создатели теории учебной деятельности, в свою очередь, опираются на *«фундаментальный»*, по их мнению, закон, сформулированный Л.С. Выготским: *«Всякая высшая психическая функция в развитии ребёнка появляется на сцене дважды – сперва как деятельность коллективная, социальная, второй раз как деятельность индивидуальная, как внутренний способ мышления ребёнка»* [6, с. 387]. Для сторонников и последователей Л. С. Выготского и В.В. Давыдова доказанным считается, что интерпсихическое является результатом интрапсихического, а индивидуальное порождается коллективным.

Фундаментально ли данное утверждение, или *фрагментарно* (то есть высвечивает только часть действительности) – это не только чисто теоретический вопрос. Его разрешение имеет далеко идущие последствия и требует специального рассмотрения, которое находится за рамками данной статьи. Обратим лишь внимание на то, что та или иная способность эволюционно не могла бы появиться в результате некоей деятельности, если бы эта деятельность уже не несла в себе данное качество. Как *разумность* может быть порождена не-разумным, случайным, хаотичным действием? Предлагаемые варианты – суммированием простого в сложное, или случайным отбором – не находят никакого фактического и математического подтверждения (как известно, сейчас именно математические методы обозначены в качестве критерияльных). Именно математиками доказано известное утверждение Аристотеля *«целое всегда больше суммы его частей»*, или, иначе говоря, то или иное качество в мире невозможно вывести из сложения его составляющих.

Характерен ход мысли ещё одного отца-основателя *системно-деятельностного подхода* Г.П. Щедровицкого относительно преодоления ограниченности *натуралистического подхода* в науке: *«Если мы пришли к такому положению дел, что представления об объекте изучения кажутся нам нескладными и внутренне противоречивыми, если они не раскрывают новых перспектив перед нашей практикой, если нам приходится то и дело констатировать, что в наших представлениях об объекте нет теперь порядка, то надо, говорим мы, перестать “пялиться” на объект и в нём искать причины и источники этого беспорядка, а обратиться к своей собственной мыслительной деятельности, к её средствам, методам и формам организации, и произвести перестройку в них, ибо наши представления об объекте, да и сам объект как особая организованность, задаются и определяются не только и даже не столько материалом природы и мира, сколько средствами и методами нашего мышления и нашей деятельной стии»* [20, с. 10]. Здесь звучит очень важный призыв обратиться к законам, по которым осуществляется само человеческое мышление. Но в итоге Г.П. Щедровицкий «соскакивает» с избранного пути и замыкает своё восхождение на *теорию деятельности*, утверждая, что она является последним (?) основанием всякой методологии. Он совершает в действительности типичную ошибку: сами понятия *«теория»* и *«деятельность»*, и тем более их сочетание, порождены нашим мышлением.

Следовательно, мы не можем ставить ни *«теорию деятельности»*, ни что-нибудь другое, порождённое человеком, впереди мышления. Иначе это при-

водит к парадоксальной ситуации. К. Свасьян в статье «*О трех превращениях философии в России*» отмечал эту доведённую до абсурда тенденцию «*Искать в науке о мышлении всего, кроме самого мышления*» [14, с. 259].

Итак, наличие как факта человеческой разумности, человеческого мышления требует своего осмысления. Обратим внимание на то, что мышление – это единственная человеческая способность, которая обладает уникальным свойством: мы можем *мыслить мысль*, но не можем *чувствовать чувство* или *волить волю*. Мы *только*—чувствуем и *только*—волим.

Ещё один важный момент: феномен мышления по отношению к окружающему, физическому миру обладает *вне-физическими* (*вне-мировыми*) характеристиками – *не-ограниченностью* пространством (*без-граничность*, *без-конечность*) и *вне-временностью*. Данное утверждение принадлежит не только области философского «пространства» мысли, но и присутствует, как переживание, в так называемой народной мудрости. Например, в известной народной загадке: «*Что в мире всего быстрее? – Мысль человеческая*».

Тем не менее, реальное мышление должно в тех или иных ситуациях считаться с пространственными и временными характеристиками. В буквальном смысле *наглядным* и *обозримым* примером такого осуществления мышления в реалиях физического мира является спортивная *игра* и, в частности, футбол.

Игра есть чисто человеческое изобретение. Возня котят, борьба волчат и проч. лишь внешне напоминают детскую игру, но, по сути, с ней ничего общего не имеют. Совсем не случайно Ф. Шиллер писал: «*Человек играет только тогда, когда он в полном значении слова человек, и он бывает вполне человеком лишь тогда, когда он играет*».

То, что игра не является «естественным» природным процессом указывают, например, этнографические исследования. Так М. Мид в своём описании жизни детей народа манус отмечает именно этот факт: «*Игры детей манус воспитывают в них свободу, представляют собой превосходные упражнения для их тел, прививают им быстроту реакции, ловкость, физическую инициативность. Но они не несут в себе никакого материала для мысли, никаких моделей поведения взрослых, вызывающих восхищение, и никаких форм такого поведения, которые породили бы острое презрение у детей. У них нет богатого, образного языка, сокровищ легенд и преданий, нет поэзии. И дети, предоставленные самим себе, борются и катаются по земле (даже и это стимулируется мимолетным интересом взрослых к ним), кувьркаются и дерутся, не формируя в себе ничего ценного, кроме хорошего настроения и сообразительности. Не получая духовной пищи, не испытывая потребности компенсировать одиночество или же физические недостатки в фантазии, они просто бурно расходуют свою бьющую через край энергию, а устав, играют в тени в веревочку на пальцах, скучая самым жестоким образом (выделено нами. – П. В., Ч. М.)*» [11, с. 214].

Таким образом, мы исходим из *первичности* мышления по отношению к другим видам человеческой деятельности, среди которых оказывается и игра. При этом ни мышление, ни игра не сводимы к тем или иным формам поведения у животных, которые чисто внешне, но не по сути, могут нести в себе лишь черты похожести.

Мышление в футболе

Наше предположение состоит в том, что наряду с людьми, которые в процессе просмотра футбольного матча удовлетворяют самые разные свои потребности и намерения (*национальная гордость, ставки в тотализаторе,*

эмоциональное (чаще всего, «сдобренное» алкоголем) времяпровождение в компании и проч.), есть те, кто мыслительно соучаствует в происходящем на поле. То есть для них футбольный матч есть *визуально осуществляемый мыслительный процесс*.

Футбол один из немногих видов спорта позволят болельщику стать не просто быть наблюдателем или восторженным ценителем внешних атрибутов игры, а *соучастником* с точки зрения мыслительного процесса. Игра, как способ организации мышления человека, подразумевает формирование особенного пространства, где четко просматриваются границы или рамки, выход за которые означает выход из игры.

Несколько саркастическое высказывание о том, что «*В футболе понимают (или – знают, как играть) все, кроме тех 22 человек, что бегают по полю*», на самом деле, не столь далеко от истины в своей первой части. «*Понимают (знают)*» по той простой причине, что мышление – это процесс знакомый с той или иной степенью интенсивности и качества любому нормальному современному человеку.

Сюда добавляется, естественно, то, что болельщику знаком не только мыслительный процесс как таковой, но и собственный *игровой опыт* игр из детства на основе практического (иногда – ежедневного) осуществления футбольных приёмов. Именно этот опыт позволяет каждому болельщику «*разбираться*» в уровне подготовленности игроков и команд в целом без консультаций с профессионалами в данной сфере. И это же самое как на стадии зарождения футбола, так и сейчас в эпоху профессионального спорта делает его «*народной игрой*».

Естественно, другие игровые виды спорта также содержат в себе мыслительный процесс. Но, например, в баскетболе всё развивается достаточно быстро. К тому же, как в волейболе и бейсболе, здесь много пауз, разрывающих нить игры. В хоккее, регби и американском футболе к этому добавляются жёсткие столкновения, которые явно перетягивают внимание из области мысли в область эмоций и страстей.

Таким образом, несмотря на то, что в футболе забивается меньшего всего голов из всех видов спортивных игр (то есть, как ни парадоксально, слабее всего выражен именно «*спортивный интерес*»), есть нечто в этой игре, делающее её *зрелищной*, или, как мы предполагаем, *умо-зрелищной*.

Индивидуальная мысль каждого игрока, подчиненная основной идее (победа в матче), взаимодействует мыслительно с мыслительными процессами партнеров по команде, сплетается в единое полотно и образует *общую командную мысль*. Часто в таких ситуациях мы говорим, что у команды есть свой «*рисунки игры*» или собственный «*почерк*», что свидетельствует об особенностях организации и воплощении командной мысли. Наиболее ярким и узнаваемым почерком или стилем на сегодняшний день, например, обладает команда «Барселона» (Испания). Отметим, что и в спортивном отношении данная футбольная команда является явным лидером: в 2009 году она установила уникальное достижение, став единственным европейским клубом, который в течение года выиграл все крупные турниры (три национальных – чемпионат, Кубок и Суперкубок Испании, а также три международных – Лигу чемпионов, Суперкубок УЕФА, Клубный чемпионат мира).

«*Мыслительное полотно*» одной команды подвергается противодействию со стороны команды соперника и нередко приходится слышать комментарии игроков или болельщиков, что их команда не просто выиграла матч, а «*по-*

рвала» своих оппонентов. Нам представляется вполне оправданным такое выражение, которое очень точно описывает процесс, когда одна из команд не в силах противостоять сопернику и представляет собой хаотичные, разрозненные индивидуальные действия с мячом или без него. Таким образом, индивидуальные мысли не могут связаться или слиться в осмысленные командные действия, что, впрочем, очень точно улавливает болельщик на уровне мыслительного соучастия, и он видит на поле лишь «осколки» командной игры, «обрывки» командной мысли.

При рассмотрении футбола как мышления в пространстве попутно обнаруживаются дополнительные области исследования. Во-первых, это проблема «мыслящего тела» или «мышления тела». Строго говоря, этот вопрос не нов. Есть и теоретические изыскания [9]. Есть и практические подходы, которые предполагают, что путь освоения тела в современную эпоху должен быть всё более *сознательным* (то есть импульс для этого исходит из духовно–душевной организации человека), а движения тела необходимо приближать к уровню *искусства*. Примеры подобных подходов уже есть – например, эвритмия (в том числе, лечебная эвритмия) [19], *ботмеровская гимнастика* [22].

Во-вторых, роль *чувства* в процессе мышления и в телесной активности. Остановимся на этом несколько подробнее.

Чувствующее мышление

*«Бессильные чувства так странны,
Заставшие мысли так ясны»*

Николай Гумилёв

О роли чувств и эмоций в аспекте игрового мышления, осуществляемого посредством тела, написано крайне мало. Попыток систематизировать этот опыт футболистов, тем более в возрастном аспекте, не предпринималось. Чаще всего это сводится к констатации неких индивидуальных переживаний во время футбольного матча, которые игнорируются традиционной методологией и методикой подготовки футболистов.

Оскудение сферы чувств – явление, которое всё чаще и с всё большей интенсивностью диагностируют психологи и психотерапевты. С этой точки зрения интересен момент введения в 1990 году Питером Саловейем и Джеком Майером понятия «*эмоционального коэффициента*» (EQ), под которым они понимают способность осознавать эмоции, достигать и генерировать их так, чтобы содействовать мышлению, распознавать эмоции и их значения, управлять ими таким образом, чтобы способствовать своему эмоциональному и интеллектуальному росту. Можно найти и ещё более туманную интерпретацию EQ – в отличие от привычного всем понимания IQ, эмоциональный интеллект является «*способностью правильно истолковывать обстановку и оказывать на неё влияние, интуитивно улавливать то, чего хотят и в чём нуждаются другие люди, знать их сильные и слабые стороны, не поддаваться стрессу и быть обаятельным*» [15].

С одной стороны, за попыткой введения этого чрезвычайно сомнительного понятия стоит реальная потребность прояснения и осознания чрезвычайно сложной сферы чувств. С другой стороны, в мире сейчас «создаётся» много чего оригинального. И одним из примеров такой оригинальности является понятие «*эмоциональный интеллект*», который, как уже указывалось выше, предполагает массу–сумму замечательных вещей: *точность оценки и выражения эмоций, использование эмоций в мыслительной деятельности, понима-*

ние эмоций, управление эмоциями.

То описание, которое здесь приведено, совершенно точно указывает на то, что авторы этого изобретения – «эмоциональный интеллект» – не открыли никакой новой духовно–душевной реальности. Здесь есть восприятие, мышление, воля, которые происходят *по поводу* эмоций. Следовательно, кроме стремления порождать новые понятийные монстры, создавать новые ниши в переполненном учёными образовательном пространстве, и заполнять их самим собой, зарабатывать деньги (книги об эмоциональном интеллекте хорошо распродаются, являясь «мировыми бестселлерами»), мы здесь ничего содержательного не найдём.

Последовательность появления подобного рода изобретений такова. Некое изначально заузенное представление приобретает доминирующее положение, что, естественно, приводит к игнорированию других аспектов целостного явления (феномена), а это, в свою очередь, в конце концов, порождает проблему. Вместо того чтобы углубить понимание самого феномена и в нём обнаружить источники для здорового развития, выделяется один из ущемлённых аспектов и превращается в доминирующий. Происходит это примерно следующим образом:

Как очевидный факт, в современной цивилизации господствует «интеллектуальный интеллект» со своим коэффициентом (IQ) (который не исчерпывает мышление!); психологи отмечают бедность эмоциональной жизни людей (которая не покрывает всю сферу чувств!) → значит, создадим такую штучку, как «эмоциональный интеллект» (EQ), будем книги писать, проводить конференции и семинары, и проч. Заметим попутно, что с волей дела обстоят ещё хуже, и почему бы тогда не создать «волевой интеллект» (WQ), или, в рамках логики «человек – это разумное животное», «инстинктивный интеллект»?

Если подойти к проблеме недоразвития сферы чувств не конъюнктурно, а действительно исследовательски, то открываются интересные перспективы как в теоретическом аспекте, так и в практическом.

Примечательно, что среди оценок, которые возникают у внимательно наблюдающих футбольный матч, есть оценка, имеющая отношение к переживанию прекрасного, к *чувству красоты*. Примечательность этого состоит в том, что если мы обратимся к совершенно иной области приложения мышления – математике (сфера максимально возможного абстрагирования от всего вещественно–материального), то удивительным образом обнаружим ту же самую отсылку к *чувству красоты* (прекрасного) при оценке результата математического открытия.

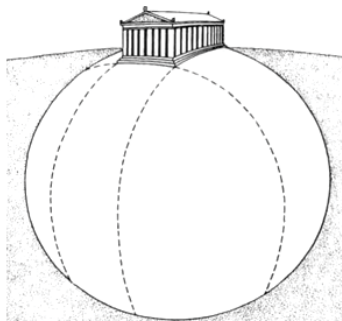
В известной работе Жака Адамара «Исследование психологии процесса изобретения в области математики» благодаря интервьюированию самых значительных математиков и физиков XX века были открыты удивительные моменты математического мышления: «Эти примеры дают достаточно полный ответ на сомнение, выраженное Уолласом по поводу значения *чувства красоты* в качестве “двигателя” открытия. Наоборот, создается впечатление, что у нас в математике это *чувство* является чуть ли не единственным полезным (выделено нами. – П. В., Ч. М.)» [1, с. 101].

Ж. Адамар также приводит пример самонаблюдения другого знаменитого математика, Анри Пуанкаре: «Может вызвать удивление обращение к *чувствам*, когда речь идет о математических доказательствах, которые, казалось бы, связаны только с умом. Но это означало бы, что мы забываем о *чувстве математической красоты, чувстве гармонии чисел и форм, геометрической*

выразительности. Это настоящее *эстетическое чувство*, знакомое всем настоящим математикам. Воистину, здесь налицо *чувство*!

Но каковы математические характеристики, которым мы приписываем свойства красоты и изящества и которые способны возбудить в нас своего рода эстетическое чувство? Это те, элементы которые гармонически расположены таким образом, что ум без усилия может их охватывать целиком, угадывая детали. Эта гармония служит одновременно удовлетворением наших *эстетических чувств* и помощью для ума, она его поддерживает и ею он руководствуется. Эта гармония даёт нам возможность *предчувствовать* математический закон. Итак, как это было сказано выше, единственными фактами, способными обратить на себя наше внимание и быть полезными, являются те, которые подводят нас к познанию математического закона. Таким образом, мы приходим к следующему выводу: *полезные комбинации это в точности наиболее красивые, т. е. те, которые больше всего воздействуют на это специальное чувство математической красоты, известное всем математикам и недоступное профанам до такой степени, что они часто склонны смеяться над ним (выделено нами. – П. В., Ч. М.)*» [1, с.118–119].

У человека есть совершенно замечательный период в его биографическом становлении – 10–12 лет, когда может быть пробуждена способность создавать собственные *познающие чувства*. Из правильно организованного в школе рассмотрения полярностей ребёнок в возрасте *предмышления* способен свою внутреннюю активность поднять от уровня созидания собственных представлений до уровня творения собственных чувств. Это тот благодатный период в развитии детей, когда они ещё способны переживать *единство красоты и истины*. Это было реальностью душевной жизни древних греков, которым удивительным образом удавалось претворять в жизнь красоту посредством точности строительства, например, храмов. Нужно только попробовать себе представить, какое внутреннее вполне объективное чувство требовалось от строителей храма, чтобы вносить лёгкие искривления (курватыры) в ступенчатое основание таким образом, что всё это основание можно рассматривать как зримый фрагмент невидимой сферы, которая обнаруживается под землёй. Всякий храм имеет под собой и вокруг как бы свою собственную сферу, диаметр которой составляет в случае отдельных храмов от четырёх до десяти километров.

И все прочие горизонтальные линии следуют затем этой курватуре стило-

бата (искривлены архитрав, антаблемент и ряды каменной кладки целы). Эти лёгкие искривления делали необходимым индивидуальное оформление каждого камня в здании, ибо вместо квадр приходилось теперь изготавливать параллелепипеды, и ни один камень не был тождественен другому. Потому все эти искривления наполняют здание всепронизывающим дыханием, все его части – живны. Музыкальная гармония сфер, храма, человека как сочетание истины, красоты и жизни (см.: [24]). Неслучайно именно у грека *Аристотеля* возникает понятие *середины* – «золотой *середины*».

Традиционное образование практически никак не затрагивает положительным образом формирующуюся и пробуждающуюся сферу чувств ребёнка. В журнале «*Вопросы психологии*» (1998 год, №3) вышла примечательная статья известного российского психолога, одного из разработчиков учебной программы Эльконина–Давыдова, Галины Цукерман. Примечательным было как само название статьи – «*Десяти-двенадцатилетние школьники: «ничья земля» в возрастной психологии*» [17], – так, естественно, и её содержание. Г. Цукерман отмечает, что ни в российской, ни в западной психологии нет понимания возраста 10–12 лет, а, значит, и различные системы традиционного образования просто «проскакивают» тот период в развитии человека, когда должны культивироваться чисто человеческие чувства – чувства, имеющее отношение не столько к эмоциональному опыту, сколько к опыту *познания*.

Соответственно, глубоко спящим остаётся тот способ познания, которое открыл в себе немецкий антрополог и педагог Э.–М. Краних. После долгой совместной работы с другим исследователем Ф. Юлиусом он приходит к открытию этого метода: «*Благодаря Юлиусу передо мной открылись врата к познанию, которое больше не просто комбинирует, но творчески погружается в явления природы. Теперь я мог сформировать метод познания, который, выходя за рамки интеллектуального, комбинирующего мышления ведёт к переживающему пониманию (выделено нами. – П. В., Ч. М.)*» [8, с.228].

Исходя из перечисленных выше теоретических предпосылок, необходимо теперь перейти к вопросам и проблемам подготовки футболистов разного возраста и уровня к мышлению в пространстве – к так называемой «*умной игре*».

Подготовка к умной игре

Существует основательно доказанная взаимосвязь между тем, как играл в детстве ребёнок, и тем, как он мыслит, будучи взрослым человеком [9]. Это значит, что эта связь не случайная или надуманная, а *органичная*, и это, в свою очередь, даёт динамичный образ «вырастающего», в том числе, из детской игры взрослого, *зрелого* мышления.

Факт эволюции мышления в связи возрастом также хорошо известен и описан в современной психологии [5, 12]. На уровне житейского опыта многие знают, что когда вдруг пересекаются команда молодых футболистов и команда опытных («пожилых») с точки зрения спортивных реалий) игроков, то молодых футболистов может доводить до тихой ярости то, что их переигрывают «старички», которые гораздо менее физически подготовлены, чем они. Очевидно, что здесь мы встречаемся с феноменом «умной игры».

Управление тренировочным процессом в детско–юношеском футболе является сложным многокомпонентным процессом, направленным на раскрытие внутреннего потенциала ребенка, при котором главенствующим компонентом подготовки должна является сама игра. Необходимость выделения игровой деятельности в самостоятельную категорию, требующей подбор специально-

ориентированных методов обучения отметил в своей докторской диссертации Ю.В. Макаров [10].

На сегодняшний день игра в футбол тщательно «анатомирована» специалистами на множество составляющих (*техника, тактика, морально-волевая подготовка* и т. д.), на основе которых осуществляется разработка критериев перспективности того или иного футболиста. Соответственно, специально-методическая и научная литература по футболу в большинстве своем ориентированы на способы повышения уровня технического и тактического мастерства, физических способностей и т. д., но крайне мало сведений о том, как научить *играть* в футбол.

Особого внимания, на наш взгляд, в подготовке футболистов заслуживает практика налаживания взаимодействий, в том числе, и мыслительного, игроков в команде. Футбол, как и любая другая спортивно-командная игра, направлена на взаимодействие между участниками и характеризуется наличием трех взаимообусловленных компонентов (рис. 1):

- «*движение*» – передвижения на площадке, контроль собственного тела и мяча, техническая подготовленность;
- «*мышление*» – оперативное и стратегическое мышление, мышление схемами, абстрактно–логическое мышление, тактическая подготовленность;
- «*чувства*» – эмоции, состояния, переживания, ощущения, спортивная борьба, спортивное соперничество и возбуждение, боевое воодушевление, спортивная злость и честь.

Развитие теории и методики подготовки высококлассных футболистов идет по пути наращивания физической мощи, атлетизма и повышения скорости командных взаимодействий.

Рис. 1. Трёхкомпонентная структура взаимодействий между игроками во время игры

Характер игрового взаимодействия между игроками может быть очень сложным, поэтому многие тренеры прибегают к наработке *схем*. В баскетболе, волейболе, гандболе, регби, достаточно ярко прослеживается идея взаимодействия на основе «*мышления схемами*». Такой подход в конкретных игровых ситуациях вполне оправдан, но он также способен порождать противоречие между запрограммированным взаимодействием и взаимодействием, которое рождается непосредственно на игровой площадке. Решение этой задачи кроется в необходимости раскрыть механизм «*вплетения*» индивидуального мастерства и индивидуального ощущения игры в ткань командной игровой реальности, или, иначе, в *мыслительное игровое полотно*.

Результат взаимодействия может быть интерпретирован так, что сначала существует индивидуальное мастерство с мячом, а затем на него накладывается нечто «футбольное». Но нельзя сначала изучить игровую индивидуальность, а потом встроить её в схему командных или групповых связей. Сама индивидуальность, с одной стороны, уже, в той или иной степени, «продукт» этих игровых взаимосвязей, а с другой – сама их создатель, активный и неординарный творец. Теоретические занятия по тактике в учебном классе на макете приводят к искусственному запоминанию схем взаимодействия и особенностей игры в тех или иных построениях. Формирование запрограммированных взаимодействий между игроками на поле предполагает задействование *абстрактно-логического способа мышления*, которое оперирует вербальными средствами и образами.

Возникает вполне логичный вопрос – *какова природа нелогичного и неординарного мышления, в ходе которого на поле рождается новая, живая мысль, позволяющая ввести в заблуждение соперника, и которая так привлекает зрителя?* Часто такое неординарное мышление называют интуитивным, но само название не разрешает вопрос понимания того, чем оно является по сути, и, что ещё важнее, *каким образом его можно пробудить и сформировать у футболистов в процессе их человеческого и профессионального взросления?* Некоторые авторы полагают, что интуитивное мышление базируется на абстрактно-логическом мышлении и является неким конгломератом таких свойств оперативного мышления в игровых ситуациях, как вероятностное прогнозирование и предвидение. Развивать эти свойства предлагается через моделирование сложных игровых моментов и промышление ситуации, которая вскоре произойдет. Согласно данному подходу интуитивное мышление является мышлением до возникновения игровой ситуации, исходя из схожих и повторяющихся особенностей игровых моментов. Такой подход, несомненно, может являться ресурсом увеличения скорости игрового мышления и командного взаимодействия, но интуиция в игре определяется как некое «шестое» чувство и обладает свойством невербальности. Несловесный и необразный характер интуиции предполагает мышление и принятие решений в плоскости телесно-чувственного. На этом примере мы видим противопоставление языка мысли (абстрактно-образного) и телесно-чувственного языка.

По мнению И.А. Бесковой [4], телесно-чувственное проявление невербально и представляет собой выплески-переливы неясных, неотчётливых телесных чувств-ощущений-переживаний. В них всё слито и они невыразимы в привычном языке мысли. Восприятия такого рода противоположны восприятию смысла вербальных выражений. На наш взгляд, игра не лишена абстрактно-образного смысла, но её понятие не исчерпывается вербально-образным наполнением. Традиционная методика подготовки юных футболистов ориентирована на формирование командных взаимодействий и игрового мышления с помощью привычного языка мысли и вербальных средств, и практически не затрагивает вопросы управления телесно-чувственными компонентами взаимодействия в игре.

На сегодняшний день наиболее приближенным понятием к телесно-чувственному является понятие «*язык тела*» или «*body language*». *Body language* – понятие, распространенное в судейской деятельности. Оно призвано выполнять функции трансляции информации игрокам и зрителям о том, что судья уверен в себе, беспристрастен и решителен при принятии решений. Внутреннее состояние выражается в специфических позах, жестах и действиях. Моло-

дым арбитрам на первых этапах подготовки рекомендуют имитировать манеру, чтобы завоевывать авторитет на поле.

Язык тела означает – *«говорит тело»*. Тело говорит о том или тем, что есть внутри. Рождённое внутри выражается в форме всего тела без исключения, и это принято называть позой. Возникает вопрос о том, что же внутри рождается и начиная говорить в теле, заставляя его принимать различные формы. Либо это мысли, как результат процесса мышления, либо чувства. В таком случае, необходимо уточнить, какого свойства эти мысли и чувства в аспекте игры в футбол. Другими словами, *какое содержание определяет форму*. Форма тела или поза – это видимая часть мышления и чувствования футболиста. Возможность *сопереживать* (сочувствовать) и *«сомыслить»* имеют то магическое свойство, которое может привлечь взгляд прохожего к дворовой игре в футбол, где он найдёт для себя что-то достойное внимания.

На сегодняшний день игровое мышление у ребенка формируется при взгляде на себя с *«высоты птичьего полета»* (на макете), где реальные футболисты превращаются в точки. Весь язык тела упрощается и на первый план выходят геометрические перемещения относительно друг друга. Когда игрок *«живёт»* внутри момента, то он осознаёт себя не с высоты, а в эпицентре действия. Внутренний душевный жест, который делает юный спортсмен при взгляде на игровую ситуацию на макете – от периферии к центру. Все внимание стремится к точке (фишке). Игровая ситуация требует противоположного жеста – экстраполяции внимания от центра (осознание себя в пространстве) к периферии (оценка расположения соперника и партнеров). С точки зрения макета, не имеет значения направление взгляда, угол наклона тела, посадка центра тяжести, расположение стоп и т. д. В то время как для защитника это является ценнейшей информацией, и это не борьба двух макетов (схем) в головах, это умение видеть намерения по подготовительным действиям, по глазам и жестам. В этом кроется суть мастерски исполненного технического или тактического действия.

На наш взгляд, телесно–чувственное является базой для возникновения целостного, живого переживания игры. Телесно–чувственные переживания и мышление во время игры дают представление об осмысленном движении с целью овладения пространством и временем, и, в конечном итоге, превосходстве над соперником. Следовательно, абстрактно–логическое мышление и телесно–чувственное переживание игры являются одновременно взаимноисключающими и взаимообусловленными компонентами взаимодействия на футбольном поле.

Чувство игры, как вид особого взаимодействия в командных видах спорта между игроками, является целостным переживанием, которое воспринимается как недуальное целостное образование. Абстрактно–образный язык или язык мысли является одной из распознающих систем и систем коммуникации между игроками. В современном спорте этот язык является превалирующим ввиду исторически сложившихся предпочтений. Телесно–чувственный язык, наоборот, приближает нас к пониманию таких компонентов игры, как *«игровой ритм–такт–темп»*, *«нерв игры»*. Другими словами каждая игра характеризуется своими неповторимыми и неуловимыми для привычного языка мысли особенностями. Качественное игровое взаимодействие и мышление создают ощущение *«мелодии игры»* или особой *«мыслительной материи»*. Более точное описание этой *«мыслительной материи»* с выходом на практику подготовки футболистов и является дальнейшей задачей нашего исследования.

Литература

1. Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики / Ж. Адамар. – М.: Советское радио, 1970. – 152 с.
2. Айзенберг К. Футбол как глобальный феномен. Исторические перспективы / К. Айзенберг // Логос. – 2006. – №3. – С.91-103.
3. Асмолов А. Г. Принципы организации памяти человека: Системно-деятельностный подход к изучению познавательных процессов: Учебно-метод. пособие / А. . Асмолов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 104 с.
4. Бескова И.А. Природа и образы телесности / И.А. Бескова, Е.Н. Князева, Д.А. Бескова. – М.: Прогресс-Традиция, 2011. – 456 с.
5. Выготский Л.С. Детская психология / Л.С. Выготский // Собрание сочинений: В 6-ти т. – Т.4. – М.: Педагогика, 1984. – 432 с.
6. Выготский Л.С. Педагогическая психология / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1991. – 480 с.
7. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения / В.В. Давыдов. – М.: ИНТОР, 1996. – 544 с.
8. Краних Э.-М. Антропологические основы вальдорфской педагогики / Э.-М. Краних. – К.: Генеза, 2008. – 280 с.
9. Ливехуд Б. Человек на пороге / Б. Ливехуд. – Калуга, 1993. – 272 с.
10. Макаров Ю.М. Методология формирования игровой деятельности у юных спортсменов в игровых видах спорта: автореферат дис. ... доктора педагогических наук: 13.00.04 / Ю. М. Макаров. – Санкт-Петербург, 2013. – 48 с.
11. Мид М. Культура и мир детства / М. Мид. – М.: Наука, 1988. – 429 с.
12. Пиаже Ж. Психология интеллекта / Ж. Пиаже. – СПб., 2003. – 192 с.
13. Пильц Г.А. Футбол – это наша жизнь: перемены и процессы дифференциации культуры футбольных фанатов / Г.А. Пильц // Логос. – 2009. – №6. – С.114-133.
14. Свасьян К. А. ... Но еще ночь / К.А. Свасьян. – М.: Evidentis, 2013. – 448 с.
15. Стейн С.Д. Преимущества EQ. Эмоциональный интеллект и ваши успехи / С.Д. Стейн, Г.И. Бук. – Баланс Бизнес Букс, 2007. – 384 с.
16. Степанов М.А. Опыт мышления тела: к эпистемологии Дитмара Кампера: автореферат дис. ... кандидата философских наук / М.А. Степанов. – СПб., 2011. – 25 с.
17. Цукерман Г.А. Десяти-двенадцатилетние школьники: «ничья земля» в возрастной психологии / Г.А. Цукерман // Вопросы психологии. – 1998. – №3. – с. 17-31.
18. Штейнер Р. Общее учение о человеке как основа педагогики / Р. Штейнер. – М.: Парсифаль, 2005. – 200 с.
19. Штайнер Р. Эвритмия как видимая речь / Р. Штайнер. – К.: НАИРИ, 2012. – 336 с.
20. Щедровицкий Г.П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системно-деятельностного подходов / Г.П. Щедровицкий // Вопросы методологии. – 1991. – №2. – С.3-11.
21. Эко У. Болтовня о спорте / У. Эко // Логос. – 2009. – №6. – С.188-193.
22. v. Bothmer A. Die Bothmer-Gymnastik / A. v. Bothmer. – Stuttgart: Schattauer, 2004. – 141 s.
23. Conn D. The Football Business: The Modern Football Classic / D. Conn. – Mainstream Publishing; New Ed edition, 2002. – 312 pp.
24. Teichmann F. Der Mensch und sein Tempel: Griechenland / F. Teichmann. – Darmstadt: Wiss. Buchges., 2003. – 295 s.

Пегов Владимир Анатольевич – канд. пед. наук, доцент кафедры педагогики и психологии, ФГБОУ ВПО "Смоленская государственная академия физической культуры, спорта и туризма", Россия, Смоленск.

Чернецов Максим Михайлович – канд. пед. наук, проректор по воспитательной и социальной работе, ФГБОУ ВПО "Смоленская государственная академия физической культуры, спорта и туризма", Россия, Смоленск.
